

Елена К.

Летопись ЛМКВН

«Автор»

2026

К. Е.

Летопись ЛМКВН / Е. К. — «Автор», 2026

«Что, если дом — не просто стены, а самый верный хранитель твоих воспоминаний?» В старом доме на тихой улице живёт не только семья, но и память — в скрипах половиц, в запахе ванили, в пуговицах, спрятанных по углам, в тенях на стенах. Дом из ЛМКВН не говорит словами, но умеет рассказывать целые истории: показывать сцены из прошлого, оставлять записки аккуратным почерком, возвращать забытые запахи и звуки. Трогательная, уютная и немного волшебная история о том, как научиться не бояться помнить, как отпустить тяжёлое и сохранить тёплое — и как дом может стать не просто крышей над головой, а самым надёжным собеседником. Для всех, кто верит: самые важные слова часто звучат не вслух, а в тишине.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Все Главы	5
Глава 1. Правила выживания	6
Глава 2. Чужие слова	9
Глава 3. Коллекция чужих фраз	11
Глава 4. Исчезающие чернила	13
Глава 5. Подвал, который не хочет быть найденным	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена К. Летопись ЛМКВН

Все Главы

Глава 1. Правила выживания

Лида ставит сумку у двери и чувствует, как воздух в доме становится тяжелее — будто кто-то заранее налил в него неловкость, как густой сироп, и теперь этот сироп намертво приклеивает её к месту. В столовой накрыт стол: пирог с яблоками, сыр, вино. Всё выглядит так, будто это уютная посиделка, но Лида знает: в этом клубе уют — это камуфляж, а скатерть — просто способ спрятать острые углы.

— Ты взяла книгу? — спрашивает мама, не глядя на неё. Она поправляет салфетку с такой сосредоточенностью, будто от этого зависит судьба мировой литературы. — Конечно. — Лида достаёт потрёпанную «Ребекку» в мягкой обложке. На форзаце — её старая закладка из билета в метро, которую она специально не выбрасывала, чтобы не выглядеть слишком старательной. В книжном клубе старательность — это почти оскорбление: здесь принято делать вид, что ты схватываешь суть с полуслова, даже если ты вообще не читала. — И что думаешь о главной героине? — Думаю, ей стоило бы подать на развод и уехать в другой город. Желательно туда, где нет особняков с призраками прошлого и где риелторы честно пишут в объявлениях: «Здесь никто не умер».

В комнате повисает тишина. Это не тот ответ, который здесь любят. Тётя Ира фыркает так, будто Лида только что предложила сжечь все книги до единой. Марина, самая молодая из клуба, прячет улыбку в чашку с чаем — так старательно, что чуть не опрокидывает её. Остальные делают вид, что очень внимательно изучают узор на скатерти. Лида ловит себя на мысли, что если бы узор мог говорить, он бы уже попросил о помощи.

Обсуждение начинается. Каждая из женщин говорит о «Ребекке» так, будто книга — зеркало, в котором отражается её собственная жизнь. Тётя Ира, которая всегда выбирает самые мрачные трактовки, заявляет, что героиня сама виновата: «Она должна была сразу понять, что он опасен. Женщины чувствуют такие вещи». — Ага, — бормочет Лида себе под нос, — а ещё женщины чувствуют, когда чай остыл, и когда кто-то слишком громко дышит. Но вслух это не считается.

Марина возражает: «А если она просто хотела быть любимой? Иногда мы не замечаем тревожных звоночков, потому что нам так хочется, чтобы всё было хорошо». Лида смотрит на них и вдруг понимает: они не обсуждают книгу. Они примеряют её на себя, как старые платья, которые давно стали малы, но выбросить жалко.

И тут Лида замечает на столе стопку карточек. На каждой — фраза, написанная тем же красным почерком, что и на форзаце:

«Кто-то здесь лжёт».

«Помни, что ты не одна».

«Не верь тому, что видишь».

Она поднимает одну и тут же чувствует на себе взгляды. — Где ты это взяла? — голос мамы звучит резко, будто Лида нарушила какой-то неписанный закон. — На столе. Прямо между сахарницей и вазочкой с конфетами. Как будто кто-то хотел, чтобы их заметили, но не слишком явно. — Никто ничего не клал. — Мама смотрит на остальных, будто ждёт подтверждения.

Но Лида видит, как тётя Ира незаметно прячет руку под шарф. На секунду её пальцы сжимаются, будто она только что выпустила что-то из рук.

— Может, это просто игра? — тихо говорит Марина. — Ну, знаете, чтобы было веселее... — В нашем клубе не играют, — отрезает тётя Ира. — У нас серьёзные обсуждения.

Лида кладёт карточку обратно. На бумаге остаётся лёгкий след от её пальцев, и ей кажется, что красный цвет становится чуть ярче, будто чернила впитывают её тревогу.

К вечеру начинается метель. Дорогу заметает так быстро, будто кто-то специально стирает все следы, ведущие прочь от дома. Телефон ловит одну палочку сети и тут же теряет. Лида пытается написать подруге: «Если я не отвечу до утра, значит, книжный клуб меня поглотил», — но сообщение не отправляется.

В библиотеке пахнет пылью, ванилью и чем-то ещё — старым деревом, которое помнит слишком много чужих секретов. Лида проводит пальцем по корешкам книг. Некоторые из них будто теплее других, будто внутри страниц спрятано что-то живое. Она берёт одну наугад — это старый сборник стихов, который никто не открывал годами. На полях чьей-то аккуратной рукой выведено: «Не забывай».

Когда она закрывает книгу, та щёлкает, как будто запирает эту фразу внутри.

А в это время в гостиной женщины продолжают говорить о «Ребекке», но теперь их голоса звучат иначе. В них появляется напряжение, как в натянутой струне, которая вот-вот лопнет. Мама говорит что-то о «женской интуиции», тётя Ира кивает слишком энергично, Марина нервно теребит край свитера. Лиде кажется, что они не столько обсуждают книгу, сколько проверяют друг друга — ищут слабые места.

Вдруг тётя Ира, будто споткнувшись о собственную фразу, резко обрывает себя и говорит: — Хотя... знаешь, Лидочка, иногда прошлое лучше не ворошить. Бывает, что одна случайно брошенная фраза может всё разрушить. Как тогда, в прошлом году, когда мы обсуждали «Грозовой перевал»... помнишь, как всё пошло наперекосяк после той встречи?

Фраза повисает в воздухе, тяжёлая и липкая, как капля воска, упавшая на скатерть. Никто не смотрит на тётю Иру. Марина делает вид, что очень заинтересована рисунком на чашке. Мама вдруг находит срочную необходимость переставить вазу на два сантиметра левее.

Лида чувствует, как внутри у неё что-то щёлкает — как та книга в библиотеке. «Случайно брошенная фраза», «всё пошло наперекосяк»... Это не просто оговорка. Это как если бы кто-то приоткрыл дверь в тёмную комнату и тут же захлопнул её, но Лида успела заметить тень, мелькнувшую внутри.

— А что именно пошло наперекосяк? — спрашивает Лида, стараясь, чтобы голос звучал как можно небрежнее. Будто ей просто любопытно, а не будто она стоит на краю обрыва и пытается разглядеть, что внизу.

Тётя Ира бледнеет так стремительно, что это почти красиво. — Да ничего, ерунда. Просто... эмоции нахлынули. Ты же знаешь, как бывает: классика пробуждает чувства.

Мама наконец ставит вазу на место и смотрит на Лиду так, будто хочет передать ей телепатическое сообщение: «Не продолжай. Пожалуйста, не продолжай».

Лида кивает. Делает вид, что принимает объяснение. Но внутри у неё всё сжимается. Она понимает: эта оговорка — как первая трещина в льду. Если наступить чуть сильнее, лёд пойдёт по швам.

Ночью Лида слышит шаги над головой. Дом старый, он скрипит, но эти шаги слишком чёткие, слишком ритмичные. Она выходит в коридор и видит на стене тень — не свою и не мамину. Тень держит в руке книгу.

Когда Лида подходит ближе, тень исчезает. На полу остаётся листок: «Они все что-то скрывают. Найди, что».

Лида поднимает его и чувствует, как холод ползёт по спине. Она оглядывается, но коридор пуст. Только часы в углу тикают слишком громко, будто пытаются заглушить что-то важное.

Она возвращается в свою комнату, садится на кровать и прижимает колени к груди. В голове крутится одна мысль: «Я должна была остаться в городе. Заказать пиццу, посмотреть сериал, спрятаться от всего этого». Но теперь поздно. Метель за окном не оставит следов, если она попытается уйти.

Лида открывает «Ребекку» на случайной странице. Строки кажутся ей теперь не просто словами, а подсказками. «Прошлое не отпускает», «Тени длиннее, чем кажется», «Дом знает больше, чем его хозяева». Она перелистывает страницы и вдруг замечает, что на некоторых из них края чуть потемнели, будто их касались слишком часто. А на одной странице, почти у самого низа, кто-то вывел крошечную букву «Л».

Её буква. Её имя.

Лида закрывает книгу и смотрит в окно. За стеклом кружатся снежинки, и ей кажется, что дом наблюдает за ней. Не как здание из дерева и кирпича, а как существо, которое привыкло хранить секреты и не любит, когда кто-то пытается их раскрыть.

Глава 2. Чужие слова

Лида проснулась от того, что кто-то тихо скребся в дверь. Не как кошка, не как ветка по стеклу — а будто человек пытался подать знак, не привлекая внимания. Она села на кровати, вцепившись пальцами в одеяло, и прислушалась. За дверью было тихо. Только метель продолжала свою бесконечную песню, шурша снегом по крышам и ставням.

«Это дом, — сказала себе Лида. — Он старый. Он скрипит, дышит, жалуется. Это не заговор. Это просто доски». Но буква «Л», выцарапанная на странице «Ребекки», никак не хотела стираться из памяти.

Она накинула свитер, сунула ноги в тапочки и вышла в коридор. На полу, ровно там, где вчера лежал листок с предупреждением, ничего не было. Только пыль, уложенная метелью в тонкие узоры, похожие на следы, которые тут же заметало снова.

Внизу в столовой уже пахло кофе и чем-то подгоревшим — будто кто-то слишком спешил. Лида спустилась по лестнице, стараясь не наступать на третью ступеньку: она знала, что та предательски скрипит.

В столовой сидели все, кроме тёти Иры. Мама разливала кофе, Марина листала какую-то потрёпанную брошюру, а две другие женщины — Людмила и Светлана, которых Лида помнила как «ту, что всегда приносит варенье» и «ту, что всё время поправляет очки», — перешёптывались, резко замолкая, когда Лида вошла.

— А где Ира? — спросила Лида, стараясь, чтобы вопрос звучал буднично. — Ушла прогуляться, — быстро ответила мама, не поднимая глаз. — Говорит, свежий воздух проясняет мысли. Лида посмотрела в окно. Метель кружила снег так плотно, что даже сарай в десяти шагах от дома растворялся в белой мгле. Прогуляться в такую погоду мог либо человек с железной волей, либо тот, кому срочно нужно было скрыться от чужих вопросов.

Марина подняла на Лиду глаза и едва заметно качнула головой: мол, не надо сейчас про это. И в этом жесте было столько понимания, что Лида вдруг почувствовала себя не одинокой. Хотя бы на секунду.

На столе снова лежала стопка карточек. Но теперь фразы были другими:

«Не ищи то, что спрятано».

«Некоторые тайны лучше хранить в тишине».

«Дом помнит всё».

Лида взяла одну, повертела в пальцах. Красный цвет казался почти живым, будто чернила были сделаны не из краски, а из чьей-то тревоги.

— Это опять кто-то шутки шутит? — спросила она, глядя прямо на маму. — Я не знаю, — ответила мама, и впервые за вечер в её голосе не было твёрдости. — Я правда не знаю.

И вот это «я правда не знаю» напугало Лиду сильнее любых угроз. Мама всегда знала. Даже когда не хотела знать — она всё равно знала: кто кому что сказал, кто на кого обиделся, кто слишком громко вздохнул во время обсуждения. А теперь она выглядела так, будто кто-то выдернул из-под неё привычный порядок вещей, и она пыталась удержаться на скользком полу.

Людмила, та, что с вареньем, вдруг заговорила, будто пытаясь заполнить тишину: — В прошлом году, когда мы обсуждали «Грозовой перевал», у нас тут... происшествие было. Одна из наших... ну, ты помнишь, наверное, Наташу... она ушла посреди вечера и потом три дня не брала трубку. А когда вернулась, сказала, что ничего не помнит. Совсем ничего. Будто кто-то стёр ей эти дни.

Светлана резко толкнула её локтем: — Люда, ну зачем ты это вспоминаешь? — Да я просто... — Людмила покраснела. — Просто чтобы Лидочка поняла: тут иногда такое случается, что лучше не ворошить.

Лида почувствовала, как по спине пробежал холодный ток. «Случайно брошенная фраза» тёти Иры вчера вечером теперь складывалась с этим рассказом, как два осколка одного зеркала.

— Что значит «ничего не помнит»? — тихо спросила Лида. — Ну... — Людмила замаялась. — Она говорила, что помнит, как вошла в библиотеку. А дальше — пустота. До самого утра. А утром она сидела на полу среди книг, будто уснула там. Но она не спала. Она... смотрела на одну книгу и плакала, хотя не могла объяснить почему.

Мама наконец подняла глаза, и в них была мольба: — Лида, пожалуйста, не надо. Мы все здесь... мы просто пытаемся держаться вместе. У каждой из нас есть свои причины быть здесь. И свои причины не говорить о некоторых вещах.

Но Лида уже не могла остановиться. Она вспомнила тень в коридоре, листок на полу, букву «Л» на странице. Дом будто пытался с ней заговорить, подбирая слова, которые она могла понять.

Она встала и пошла к библиотеке. Никто не пытался её остановить. Только Марина тихо окликнула: — Лид, подожди. Может, не надо... Но Лида не остановилась.

Библиотека была такой, какой она её запомнила: высокие шкафы, пыль, запах старой бумаги и ванили. Но сегодня здесь было ещё кое-что — ощущение, будто за ней наблюдают. Лида подошла к полке, где вчера брала сборник стихов, и провела пальцем по корешкам. Некоторые книги были чуть теплее других. Она потянулась к одной, и та сама чуть выдвинулась вперёд, будто приглашая.

Это была старая книга без названия на корешке, только с выцветшим узором. Лида открыла её и увидела на первой странице надпись, сделанную тем же красным почерком: «Не читай это вслух».

Она не собиралась читать вслух. Но слова сами потянули взгляд:

«Тот, кто собирает слова, собирает и судьбы. Не произноси лишнего. Дом слушает».

И в тот момент, когда она дочитала последнюю строчку, в комнате стало тише. Даже метель будто приглушила свой голос. Лида подняла глаза и увидела, что на противоположной стене, в тени между полками, снова мелькнула тень. На этот раз она не исчезла сразу. Она стояла, держа в руках книгу, и казалось, что смотрит прямо на Лиду.

А потом тень медленно подняла палец и прижала его к губам — жест, который означал «тише».

Лида попятилась, споткнулась о ножку стула и чуть не упала. Когда она снова посмотрела туда, где стояла тень, там никого не было. Только на полу лежал маленький предмет — старая пуговица, потемневшая от времени.

Она подняла её и сжала в кулаке. Пуговица была тёплой.

Вернувшись в столовую, Лида увидела, что все смотрят на неё. Даже мама. В их взглядах не было злости — только страх. И что-то ещё, похожее на ожидание.

Тётя Ира стояла в дверях, вся в снегу, с покрасневшими от холода щеками. Её волосы были растрепаны, а в глазах читалось что-то, чего Лида раньше не видела — усталость и... облегчение?

— Ты нашла? — спросила Ира, глядя не на Лиду, а на её сжатый кулак. — Что? — Лида невольно сжала пуговицу крепче. — То, что дом хотел тебе показать.

Никто не удивился её словам. Будто это было самое обычное дело — чтобы дом что-то показывал, а женщины знали, что именно.

Ира подошла ближе и тихо, так, чтобы слышала только Лида, сказала: — Теперь ты в игре. И выйти из неё можно только одним способом — дойти до конца.

Глава 3. Коллекция чужих фраз

Лида сжала в кулаке пуговицу так, что её края врезались в кожу. Тётя Ира смотрела на этот кулак, будто в нём была не старая фурнитура, а ключ от всех дверей дома.

— Что ты имеешь в виду — «я в игре»? — голос Лиды прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя на самом деле. — И откуда ты знаешь про пуговицу?

Ира моргнула, и на секунду маска «жесткой, всё знающей тётки» треснула: в глазах мелькнуло что-то похожее на усталость.

— Потому что я тоже её находила. В тот год, когда пропала Наташа. Только у меня она лежала на подоконнике в библиотеке, будто кто-то специально положил её туда, чтобы я заметила.

Мама резко поставила чашку на блюдце — звон прозвучал как сигнал тревоги.

— Ира, хватит. Ты пугаешь Лиду.

— А её уже не надо пугать, Вера, — спокойно ответила Ира. — Она уже всё чувствует. Дом не даёт выбора.

Марина, до этого сидевшая тише всех, вдруг наклонилась вперёд и тихо сказала: — Лида, если ты собираешься искать ответы, лучше делать это незаметно. Они... — она покосилась на Людмилу и Светлану, которые замерли, будто прислушиваясь к каждому слову, — они не любят, когда кто-то лезет в старые истории.

Лида кивнула, не сводя глаз с тётки Иры. В голове щёлкало, как в старом фотоаппарате: пуговица — прошлогоднее исчезновение — карточки с угрозами. Это не случайность. Это улики. И если собрать их вместе, получится картина, которую все старательно прячут.

Когда все разошлись «подготовить материалы для обсуждения» (что на языке книжного клуба означало «побыть в одиночестве и прийти в себя»), Лида вернулась в библиотеку. На этот раз она не стала хватать книги наугад. Она действовала как детектив: фиксировала каждую деталь.

На полке, где стояла книга без названия, теперь лежала тонкая тетрадь в потрёпанном переплёте. Лида подняла её — внутри были аккуратные списки фраз, выписанных из разных книг клуба: цитаты, обрывки диалогов, чьи-то личные пометки. И напротив каждой — имя и дата.

«Прошное не отпускает — Наташа, 12.10.2023» «Тени длиннее, чем кажется — Ира, 05.09.2021» «Дом знает больше, чем его хозяева — неизвестный почерк, без даты»

Лида провела пальцем по строчкам. Это была не просто коллекция цитат. Это была картотека чужих слов. И кто-то очень тщательно её вёл.

Она спрятала тетрадь под свитер и вышла из библиотеки ровно в тот момент, когда из коридора показалась мама.

— Ты опять в книгах копаешься? — в мамином голосе не было злости, только напряжение, натянутое, как струна. — Я ищу... — Лида запнулась, но тут же нашлась: — Ищу цитату для вступления. Хочу сказать что-то умное, чтобы не выглядеть белой вороной.

Мама чуть расслабилась, но не до конца. — Не старайся слишком. Здесь ценят не ум, а... принадлежность.

«Принадлежность», — повторила про себя Лида, пока шла к своей комнате. То есть молчание, принятие правил, нежелание задавать вопросы. А она нарушила все три пункта.

В комнате Лида достала улики: тетрадь, пуговицу и три карточки, которые успела незаметно забрать со стола. Разложила их на кровати, как на столе у детектива.

Пуговица — личная вещь, возможно, оставленная кем-то в качестве метки. Карточки — прямые угрозы или предупреждения, написанные одним почерком. Тетрадь — систематизированная коллекция чужих слов, почти как досье.

И тут Лида заметила деталь: на обороте одной из карточек был едва заметный след от клея. Кто-то сначала приклеил её, а потом отлепил. Значит, карточки не просто раскладывали — их перемещали. И делали это так, чтобы казалось, будто они появляются сами.

Стук в дверь заставил её подпрыгнуть.

— Лид, можно? — в щель просунулась голова Марины. — Я принесла тебе чай. И... хотела сказать, что ты не обязана играть по их правилам.

Лида быстро прикрыла улики пледом. — Спасибо за чай. А ты давно в клубе?

Марина присела на край кровати и пожала плечами: — Почти год. Пришла, потому что думала, тут можно просто читать и пить чай. А оказалось, что у каждой встречи есть второй слой. Какой-то невидимый протокол. Например, никто не говорит про тот год, когда Наташа пропала. Даже слово «Наташа» будто под запретом.

— А ты знаешь, что с ней случилось?

— Знаю только, что она ушла посреди обсуждения и вернулась через три дня. А потом сказала, что не помнит ничего. Совсем. Но я видела её после этого. Она смотрела на книги так, будто боялась, что они заговорят с ней.

Лида вспомнила фразу из тетради: «Дом слушает». Может, Наташа слышала слишком много? Или, наоборот, дом заставил её забыть?

— Марина, а кто ведёт эти списки? Ты не видела, кто записывает фразы?

Марина покачала головой: — Никто не ведёт. То есть... они просто появляются. Как будто дом сам их собирает.

Но Лида уже не верила в «сам». За всем этим стоял человек. Тот, кто знал привычки каждой женщины, кто мог незаметно подбросить карточку и переставить книгу. Тот, кто хотел держать всех в напряжении.

Вечером началось «официальное обсуждение». На этот раз темой было не содержание «Ребекки», а «образ дома как персонажа». И Лида смотрела не на книгу, а на женщин.

Людмила нервно теребила рукав, будто проверяя, на месте ли пуговицы. Светлана слишком часто поправляла очки, пряча глаза. Мама старалась держаться ровно, но её пальцы то и дело сжимались в кулак — так же, как у Лиды, когда она держала улики.

А тётя Ира... Ира наблюдала. Не за книгой, не за мамой, а за самой Лидой. В её взгляде было что-то вроде молчаливого одобрения — или предупреждения.

Когда обсуждение закончилось и все начали расходиться, Ира задержалась у двери и тихо сказала: — Если будешь искать ответы в книгах, смотри не на слова, а на поля. Там говорят правду.

И ушла, оставив Лиду гадать: это подсказка союзницы или ловушка подозреваемой?

Ночью метель наконец утихла. Дом перестал выть и теперь слушал. Лида сидела у окна, держа в руках тетрадь. Она выписывала имена и даты, пытаясь найти закономерность. И вдруг заметила: все фразы, записанные в октябре, принадлежали женщинам, которые в этом году не приехали на встречу.

«Это не коллекция цитат, — поняла Лида. — Это список уязвимостей. Фразы, которые могут кого-то задеть. Фразы, которыми можно управлять».

Кто-то собирал слова, чтобы потом использовать их как оружие.

Глава 4. Исчезающие чернила

Лида сидела на кровати, разложив улики, как на столе у детектива, который слишком много выпил кофе и слишком мало спал. Тетрадь лежала открытой, пуговица — рядом, будто сторожевой пёс, а карточки выстроились в ряд, как свидетели, которые вот-вот начнут противоречить друг другу.

Лида достала телефон, чтобы сфотографировать страницы тетради — на всякий случай, если кто-то решит, что бумага слишком много знает. Но камера, будто издеваясь, выдала надпись: «Недостаточно света. Объект слишком тёмный».

— Да ладно, — пробормотала Лида. — Ты серьёзно? В доме, где каждая лампочка выглядит так, будто её купили на барахолке в 1987 году?

Она поднесла тетрадь ближе к окну. И в этот момент заметила то, от чего у неё внутри всё сначала упало, а потом подпрыгнуло: строчки на странице будто... плыли. Не как потёки от воды, а как слова, которые очень стараются исчезнуть. Буквы становились бледнее, будто стыдились того, что их вообще когда-то написали.

«Это не чернила, — подумала Лида. — Это какой-то дешёвый детектив в духе я стираю улики, пока ты смотришь».

Она схватила ручку и начала лихорадочно переписывать фразы в заметки телефона — теперь уже не ради эстетики, а ради выживания в книжном клубе.

«Прошное не отпускает — Наташа, 12.10.2023» «Наташа. 12 октября. Прошлого не отпускает. То есть буквально?» «Тени длиннее, чем кажется — Ира, 05.09.2021» «Ира. Сентябрь. Тени. Возможно, метафора, но в этом доме метафоры имеют привычку становиться физическими». «Дом знает больше, чем его хозяева — неизвестный почерк, без даты» «Аноним. Дом — свидетель. Или соучастник».

Когда Лида дописала последнюю строчку, она подняла глаза на страницу. Там, где раньше была аккуратная запись про Наташу, теперь осталось только лёгкое серое пятно, как от прикосновения ластика, который очень старался.

— Эй, — тихо сказала Лида тетради, будто та могла ответить. — Ты не имеешь права исчезать. Ты улика. У улик есть юридическая неприкосновенность. Ну, по крайней мере, в сериалах.

В этот момент в дверь постучали. Лида захлопнула тетрадь и прикрыла её пледом с таким видом, будто это просто «немного беспорядка, ничего особенного».

— Входи! — крикнула она, стараясь звучать бодро, как человек, который не расшифровывает досье на собственный книжный клуб.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась Марина с двумя чашками чая.

— Я подумала, тебе пригодится. И... — она покосилась на плед, под которым явно что-то пряталось. — Не делай вид, что там ничего нет. Я в прошлом году прятала от тёти Иры рецензию на «Анну Каренину», где написала, что Анна должна была просто уехать в деревню и завести козу. У меня тоже был такой же «ничего особенного» плед.

Лида вздохнула и откинула плед.

— Тут улики. И они исчезают. Буквально. Смотри.

Марина поднесла чашку ближе к странице и прищурилась.

— Это... выцветает? — Это стирается, Марина. Кто-то сделал чернила, которые растворяются со временем. Или... — Лида понизила голос, — или дом сам стирает то, что не хочет, чтобы мы знали.

Марина поставила чашку и села рядом. — Знаешь, в этом клубе есть правило: если ты слишком много спрашиваешь, тебе дают книгу, которую никто не хочет читать. В прошлом

году Светлане дали «Трактат о пользе молчания» в трёх томах. Она до сих пор вздрагивает, когда кто-то говорит слово «тишина».

— Значит, кто-то очень не хочет, чтобы мы узнали про Наташу.

Они склонились над тетрадью. Лида показывала, какие строки уже почти пропали. Марина достала из кармана маленький блокнот и начала аккуратно переписывать оставшиеся фразы, шепча: — Если это исчезнет, пусть хотя бы останется у меня. Я умею делать незаметные записи. В детстве я переписывала запрещённые рецепты печенья, чтобы мама не поняла, что я опять пытаюсь испечь что-то, что потом будет хрустеть, как галька.

Вдруг Лида заметила внизу страницы крошечную пометку, которую раньше не видела — почти незаметную, будто её сделали не ручкой, а едва уловимым движением пальца:

«Ключ — в полях. Не читай вслух».

— Ключ в полях, — повторила Лида. — Тётя Ира вчера сказала почти то же самое. «Смотри не на слова, а на поля».

Марина подняла брови: — То есть Ира либо помогает, либо очень грамотно подставляет.

— Выбираю «помогает», — буркнула Лида. — Мне так спокойнее.

Они переглянулись, и в этом взгляде было больше понимания, чем во всех обсуждениях «Ребекки» за вечер.

В столовой тем временем шло очередное «обсуждение», которое всё больше напоминало Лиде дипломатические переговоры, где все делают вид, что говорят о книге, а на самом деле проверяют, не выдал ли кто-то чужие секреты.

— Мне кажется, дом в «Ребекке» — это метафора вины, — говорила Светлана, поправляя очки так часто, будто они были детектором лжи. — А мне кажется, это метафора книжного клуба, — пробормотала Людмила и тут же покраснела, будто сама испугалась своей смелости.

Мама смотрела на дверь, будто ждала, что Лида вот-вот ворвётся с криком: «Я всё знаю!» — и тогда вечер официально перестанет быть уютным.

А тётя Ира... Ира сидела в углу, пила чай и выглядела так, будто знала, что улики исчезают, и ждала, как Лида с этим справится.

Когда женщины разошлись «подготовить выводы», Лида и Марина проскользнули в библиотеку. На этот раз они не хватали книги наугад. Они искали те, на полях которых могли быть пометки.

Первая книга, которую Лида открыла, была старым изданием «Джейн Эйр». На полях чьей-то аккуратной рукой было выведено: «Она не виновата. Никто не виноват. Просто дом помнит».

— Дом помнит, — прошептала Марина. — Как будто он не здание, а... нотариус, который заверяет все наши ошибки.

Следующая книга — сборник стихов — хранила на полях короткую фразу: «Не произноси это имя». Под фразой была нарисована маленькая стрелка, указывающая вниз, к краю страницы. Там, почти у самой кромки, едва заметно проступали буквы, будто кто-то писал карандашом, а потом пытался стереть: «Наташа... дверь... подвал...».

Лида почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Подвал, — сказала она. — В этом доме есть подвал. И никто о нём не говорит.

Марина посмотрела на неё с тревогой: — Лид, может, не надо? В книжных клубах есть негласное правило: если что-то находится в подвале, его лучше не трогать. Даже если это просто старые журналы.

— Именно поэтому надо, — ответила Лида. — Потому что подвал — это единственное место, где никто не делает вид, что всё в порядке.

Она достала из кармана пуговицу и повертела её в пальцах. Тёплая. Почти живая.

— Эта пуговица как приглашение, — тихо сказала она. — Или как предупреждение.

Глава 5. Подвал, который не хочет быть найденным

Лида стояла перед дверью в подвал так, будто это был не вход в хозяйственное помещение, а портал в мир, где все рецензии пишут заглавными буквами и требуют «раскрыть внутренний конфликт на третьей странице». Дверь была тяжёлой, тёмной и выглядела так, словно специально старалась казаться незаметной — как сноска, которую все делают вид, что не видят.

— Ты уверена? — прошептала Марина, косясь на дверь так, будто та могла щёлкнуть её по носу. — В книжных клубах не принято спускаться в подвалы. Это как спросить на обсуждении: «А можно я просто скажу, что книга мне не понравилась?» — сразу становится неловко.

— Именно поэтому надо, — твёрдо сказала Лида. — Если все делают вид, что подвала нет, значит, там точно что-то есть. Возможно, даже не паутина, а настоящие ответы.

Она взялась за ручку. Та была холодной и подозрительно гладкой, будто её слишком часто трогали и тут же отдёргивали руку. Дверь открылась с таким скрипом, будто дом громко и театрально вздохнул: «Ну вот, опять кто-то лезет не туда».

Внизу пахло пылью, старым картоном и чем-то ещё — таким специфическим запахом забытых вещей, который всегда заставляет задуматься: «А зачем мы вообще это хранили?» Лестница уходила вниз, теряясь в полумраке. На перилах висела одинокая перчатка, будто кто-то начал спускаться, потом резко передумал и сбежал, оставив улику.

— Это... тревожный знак, — пробормотала Марина. — Или просто кто-то плохо складывает вещи, — возразила Лида, хотя сама чувствовала, как по спине ползёт холодок, который явно не был вызван сквозняком.

Они спустились. Внизу оказалось не одно помещение, а целый лабиринт полок, ящиков и коробок с надписями вроде «Разное», «Потом разобрать» и «Не трогать — это для встречи 2019 года».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.